

**«...И друг степей калмык»:
из материалов к комментарию**

“... and the Kalmyk, Friend of the Steppes”:

Materials for the Comment

*Б. А. Кичикова (B. Kichikova)*¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Associate Professor, Senior Research Associate, Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Аннотация. В статье представлен историко-литературный комментарий к формуле «и друг степей калмык» из итогового стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (21 августа 1836 г.). Суггестивная пушкинская формула рассматривается в аспектах одической традиции XVIII в. и в связях с поэзией В. А. Жуковского — как составная часть поэтического приема «этнографический каталог». Вариант «сын степей калмык» в окончательной редакции звучит как «друг степей калмык», приобретая точность поэтическую и историческую.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Жуковский, пролог поэмы, горацанская ода, поэтическая традиция, калмык, поэтическая формула.

Abstract. The article provides a historical and literary comment on the formula “and the Kalmyk, friend of the steppes” from the final version of A. Pushkin’s poem “I Have Erected a Monument to Myself...” (August 21, 1836). Pushkin’s suggestive formula is considered in terms of the eighteenth-century odic tradition and its connections to V. Zhukovsky’s poetry – as a component of the poetic device “ethnographic catalogue”. In the final version, the formula “the Kalmyk, son of the steppes” transforms into “the Kalmyk, friend of the steppes” thus becoming more precise, both historically and poetically.

Keywords: Pushkin, Zhukovsky, prologue of the poem, Horatian ode, poetic tradition, Kalmyk, poetic formula.

Стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» завершает последний и оказавшийся итоговым лирический цикл А. С. Пушкина. По месту создания — дача на Каменном Острове под Петербургом, которую Пушкины снимали летом 1836 г., — цикл получил устойчивое название «каменноостровского». Итоговый лирический цикл в ряде аспектов был изучен в отечественной историко-литературной науке [Измайлов 1975: 243–259; Сурат, Бочаров 2002: 208–215; Фомичев 2003: 181–213]. Цикл 1836 г. является итоговым по проблематике включенных в него произведений:

(Из Пиндемонти).

«Отцы пустынноики и жены непорочны...»

(Подражание италиянскому).

Мирская власть.

«Когда за городом, задумчив, я брожу...»

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

Последнее стихотворение, знакомое каждому читателю в России со школьных лет, давно обрело краткое название — по смыслу первой строки и по общей теме — «Памятник». Под ним выставлена авторская помета: *авг. 21. кам. остр.*

Литература о «Памятнике» практически не поддается обзору и красноречиво выражает трактовки творчества А. С. Пушкина в разные эпохи и времена — сообразно господствовавшим в них идеологическим и политическим догматам. Классическими трудами XX в. и на рубеже веков стали как специальное исследование «Памятника» академика М. П. Алексеева [1967], так и работа 1923 г. Л. В. Пумпянского [изд. 1977; переизд. 2000]; ценные и плодотворные положения содержатся в указанных работах И. З. Сурат и С. Г. Бочарова, С. А. Фомичева.

Жанр данного стихотворения определяется как жанр горацианской оды — согласно традиции, ведущей к прославленному римскому поэту, начало оды «К Мельпомене» (№ 30 из кн. IV) которого избрано эпитафией у Пушкина.

«Судьба души — центральная тема стихотворения „Я памятник себе воздвиг нерукотворный...“, занимающего особое и хронологи-

чески последнее место в ряду каменноостровских стихов». Исследователи отмечают ближайшие отечественные корни: «Стихотворение восходит <...> ближайшим образом к переложению Горация в „Памятнике“ Державина и учитывает всю лежащую между этими двумя текстами традицию, в которую Пушкин вносит свое персональное слово» [Сурат, Бочаров 2002: 213].

Рассматриваемая далее формула «...и друг степей калмык» завершает третью строфу — о народах, населяющих Россию и в будущем внемлющих слову поэта:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык (III, 434)¹.

Примечательно, что одно из сложившихся направлений изучения «Памятника» связано именно с данной строфой — в связи с проблемой отечественной жанровой традиции, с поисками претекста и с задачами интерпретации.

Общая русская одическая традиция, восходящая к оде Горация, ясно очерчивает линию: М. В. Ломоносов. «Я знак бессмертия себе воздвигнул» (перевод 1747 г.), Г. Р. Державин. «Памятник» (переложение 1795 г.), «Лебедь» (реплика 1804, содержащая мотив «перечня народов»). В военной оде И. И. Дмитриева «Глас патриота на взятие Варшавы» (1794) появилась рифма «язык — калмык», подхваченная А. С. Пушкиным в черновиках послания к «Зеленой лампе» [Кичикова 2014: 167] и утвержденная в его итоговом стихотворении [Макогоненко 1967: 422].

Академик М. П. Алексеев пишет о традиции горацевой оды «К Мельпомене»: «„Общим местом“ поэзии французской, английской, немецкой со времени Возрождения сделался <...> географический и этнографический перечень народов и стран, о которых

¹ Цитаты из произведений и переписки А. С. Пушкина далее всюду приводятся в скобках с указанием тома и страницы по юбилейному репринтному воспроизведению Большого академического издания, дополненного томами «Рукою Пушкина», «Рисунки Пушкина» и расширенным справочным томом: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 19-ти томах. М.: Воскресенье, 1994–1997.

объявляет поэт, вдохновенно прорицающий о своей славе» [Алексеев 1967: 80]. Ученый излагает мнение польского исследователя В. Ледницкого (1954), по мнению которого «намерение Пушкина при выборе наименований народов для этого перечня заключалось прежде всего в том, чтобы очертить дальние пределы всех четырех климатов, или географических зон, современной ему России — Запад (гордый внук славян), Север (финн), Восток (тунгуз), Юг (калмык) <...>» [Алексеев 1976: 81].

Последующие поиски претекстов с перечислениями народов для третьей пушкинской строфы выявляют произведения уже XIX столетия, посвященные «грозе двенадцатого года» и памяти о всенародном — всех народов — подвиге в Отечественной войне.

Справедливо отметив, что «у всех без исключения предшественников Пушкина эти перечисления носили отвлеченный, символический характер», А. Н. Шустов называет в качестве такого предшественника В. А. Жуковского: «Многонациональность Российской империи особенно привлекала внимание Жуковского. Перечни народов являются его излюбленным художественным приемом: по сравнению с другими поэтами у Жуковского их во много раз больше» [Шустов 1973: 104]. Приводя отрывки из произведений «Могущество, слава и благоденствие России» (1799) и «Послание к А. Ф. Воейкову» (1814), А. Н. Шустов обращается к статье поэта о торжествах по случаю открытия Александровской колонны в Петербурге 30 августа 1834 г. (от присутствия на которых А. С. Пушкин уклонился). Между памятником Петру I на Сенатской площади и новой колонной на Александровской площади, писал В. А. Жуковский, «одним мановением царским сдвинута была стотысячная армия, а в этой стотысячной армии под одними орлами и русский и поляк, и литовец и финн, и татарин и калмык, и черкес и боец закавказский <...> Не вся ли это Россия? — восклицал далее Жуковский. — Россия, созданная веками, бедствиями, победою» [цит по: Шустов 1973: 105]. Далее исследователь отмечает: «В „Памятнике“ Пушкина встречаются „гордый внук славян“ (русский), финн, тунгус, калмык. В черновике, кроме того, были киргизец, грузинец и черкес. Четыре национальности — русский, финн, калмык и черкес (из черновика) — совпадают с перечнем

из статьи Жуковского» [Шустов 1973: 106]. Приведенный текст газетной статьи В. А. Жуковского дает исследователю основание сделать вывод: «Таким образом, при внимательном рассмотрении источников пушкинского „Памятника“ устанавливается тесная поэтическая связь его с творчеством Жуковского» [Шустов 1973: 106].

«Неожиданные переключки с героическими стихами» В. А. Жуковского периода Отечественной войны 1812 г. — знаменитым диптихом «Певец во стане русских воинов» и «Певец в Кремле» — у А. С. Пушкина выявил О. А. Проскурин, причем обнаружил пушкинское обращение к приему «этнографического каталога» вовсе не в итоговом произведении поэта, а в прологе к его неоконченной романтической поэме «Братья разбойники» (1822).

Согласно интересному и перспективному наблюдению исследователя, «этнографический каталог в начале поэмы (описание шайки) несомненно восходит к «Певцу в Кремле» В. А. Жуковского, составляющему вместе с «Певцом во стане русских воинов» своеобразный «военно-патриотический» диптих:

И в черных локонах еврей,
И дикие сыны степей,
Калмык, башкирец безобразный,
И рыжий финн, и с ленью праздной
Везде кочующий цыган!

Ср.: у В. А. Жуковского:

Калмык, башкир, черкес и финн
К знаменам побежали,
И все оградой из дружин
Кругом престола стали.

Как можно заметить, пушкинская поэма отчетливо соотнесена со своими претекстами не только «формально», но и «содержательно» — причем соотнесена «по принципу контраста» [Проскурин 1999: 132]. О. А. Проскурин делает вывод: «Соответственно семья народов, сплотившаяся вокруг священного престола, превращается в многонациональную разбойничью шайку. Некоторые персонажи этнографического перечня Жуковского, перешедшие в пушкинскую поэму, получают подчеркнуто снижающие характеристики (баш-

кирец безобразный, рыжий финн); при этом перечень пополняется аутентично «низкими» персонажами — цыганом и евреем» [Проскурин 1999: 133].

Отметим, что из представителей названных в прологе пушкинской поэмы пяти народов «снижающие» прямо или косвенно характеристики получили все, кроме калмыка. Как видим, прием, восходящий к высокой оде XVIII в., у Пушкина в порядке эксперимента апробирован в низком контексте, а затем возвращен в исконное жанровое русло в «Памятнике».

Таким образом, в отношениях пророческого предвосхищения и переосмысленного предсказания находятся между собой, диалогически перекликаясь, увертюрно прозвучавшая строка о «диких сынах степей» («Калмык, башкирец безобразный» — IV, 145) из пролога поэмы «Братья разбойники» (1822) — и поименование «языков» в составе «всей Руси великой» из итогового стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

И друг степей калмык — в начале движения этой темы у А. С. Пушкина, в прологе к поэме «Братья разбойники» калмыки названы «сынами степей» (IV, 145); «сын степей калмык», — повторит поэт в черновом варианте строки «Памятника» (III, 1035), а потом исправит: «друг степей»; исправленное выражение окажется более точным в свете истории названного народа: со времени работы над «Историей Пугачева» А. С. Пушкин знает, что калмыки **пришли** в приволжские степи, а не жили в них искони — то есть не были порождены ими, не являлись их «сынами». «Друг степей калмык» (III, 424) — это единственная формула «Памятника», которая не подчинена временным изменениям; здесь найдено и выделено качество постоянное, и идея постоянства, верности себе заложена в самом определении «друг степей», как в слове «степи» уже содержится представление о вольности и свободе.

Впрочем, связь между приемом «этнографического каталога» в русской оде XVIII в. и прологом к поэме «Братья разбойники» отмечена и у других исследователей — М. Д. Эльзона [2001: 189–190] и М. И. Шапира [2009: 212–213], которые отчего-то на наблюдение О. А. Проскурина не ссылались. Из указанных авторов последний усматривает едва ли не для всех этнографических

указаний Пушкина один пародируемый претекст — знаменитую оду Г. Р. Державина «Фелица» [Шапир 2009: 212–215]. Маленькая любопытная заметка М. Д. Эльзона предлагает еще один источник пушкинского перечня в качестве уточнения к исследованию академика М. П. Алексеева. Этот источник М. Д. Эльзон обнаруживает в титуловании российских самодержцев: «М. П. Алексеев, видимо, использовал эвфемизмы, не имея возможности назвать лежащий на поверхности источник — три варианта (полный, сокращенный, краткий) титулования российских самодержцев. Обращение к тексту показывает, что Пушкин взял за основу последний и дополнил его элементами (изменив последовательность) полного. Ср.:

<i>Император и Самодержец</i>	
<i>Всероссийский</i>	по всей Руси
<i>Царь польский</i>	гордый внук славян
<i>Великий князь Финляндский</i>	финн
<i>и прочая, и прочая, и прочая</i>	
<i>Царь Астраханский, Царь</i>	калмык, тунгус
<i>Сибирский</i>	

Это подтверждает аналогичный нерегламентированный перечень в зачине к «Братьям разбойникам» (1821–1822):

Меж ними зрится и беглец
 С берегов воинственного Дона,
 И в черных локонах еврей,
 И дикие сыны степей,
 Калмык, башкирец безобразный,
 И рыжий финн, и с ленью праздной
 Везде кочующий цыган¹» [Эльзон 2001: 189].

Особенности пушкинского обращения к оде Горация «К Мельпомене» требуют, разумеется, специального изучения. В рамках же данной статьи остается отметить, что пушкинская рецепция античной и средневековой западноевропейской поэзии определяется задачами не перевода, не переложения и даже не ответной реплики в диалоге с нею.

¹ Указанием на параллель автор обязан Н. Н. Скатову.

Как заметила И. З. Сурат о ряде подобных пушкинских произведений последних лет, «многие из них органично соединяют в себе качества перевода, более или менее точного, и свойства исповедальной лирики», «когда чужое слово становится средством лирического самовыражения» [Сурат 2000: 101, 102]. Так, принявшись за перевод оды Горация к Помпею Вару, поэт выразил в нем неистовое ожидание встречи с сосланным другом («Кто из богов мне возвратил...» — 1835). «Мотивы, взятые у Горация, наполнены непереводаемым лиризмом — стихи несводимы к переводу, они разомкнуты в бесконечную смысловую глубину и дышат тайной, как это часто бывает в лирике Пушкина» [Сурат 2000: 101].

В «Памятнике» названы те народы и народности, которые были поэту известны: «гордый внук славян», «и финн», «и друг степей калмык». Из перечня народов в третьей строфе лишь «и ныне дикой тунгус», название которого соседствует в строке с калмыком, никак не мог быть известен поэту. Однако, как заметил М. П. Алексеев, Ю. Н. Тынянов (в 1939) «уже давно указал на то, что это явилось следствием письма, полученного Пушкиным от В. К. Кюхельбекера из Баргузина (в Забайкалье) от 12 февраля 1836 г.» [Алексеев 1967: 81].

Ссылный В. К. Кюхельбекер, лицейский друг и «брат родной по музе», в указанном письме замечал: «Тунгусов я встречал мало: но в них что-то есть; звериное начало (*le principe animal*) в них сильно развито и, как человек-зверь, тунгус в моих глазах гораздо привлекательнее расчетливого, благоразумного бурята» (XVI, 85).

Разумеется, строгий одический канон и сама высочайшая проблематика «Памятника» не допускали включения в текст личных аллюзий. Но, возможно, упоминание «тунгуса» означает не только необозримый Север, населенный «и ныне дикими» народами, но и, в совершенно личном, подтексте стихотворения подразумевает мысль-напоминание, мысль-обращение к далекому ссылкой другу, друзьям, привет и ободрение им в «каторжные норы»? Ведь перевод другой горациевой оды поэт сделал «средством лирического самовыражения»: «На тайные листы записывал я жизнь». Горацианская ода «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» завершает и эту линию лирического творчества А. С. Пушкина.

Как отмечалось выше, формула «друг степей калмык» отлилась только в итоговом стихотворении поэта. Формула эта суггестивна как в поэтическом, так и в строгом историческом смысле. За ней встают точные знания об историческом и не столь давнем прошлом народа, вошедшего в состав России, полученные от Н. Я. Бичурина. Так, одно из обширных примечаний к «Истории Пугачева», где А. С. Пушкин касается самого трагического периода в истории калмыков — исхода 1771 г., накануне восстания — предварено введением: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побегах калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностью помещаем здесь сообщенный им отрывок из неизданной еще его книги о калмыках» (IX, 95).

С учетом претекстов В. А. Жуковского (особенно гимна «Певец в Кремле») за формулой «друг степей калмык» встают представления о калмыках как о народе, вставшем на защиту Отечества в 1812 г.

Так оживают, уходя в прошлое и уводя в будущее «Руси великой», представления А. С. Пушкина о народе, к которому он с юности испытывал нескрываемую симпатию и глубокое сочувствие.

В оде «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» поистине разрешаются все узлы проблематики творчества А. С. Пушкина и завершаются его основные темы. Вместе с завершением проблематики гражданской лирики и безусловным завершением темы поэта и поэзии здесь находит существенное завершение и тема «наших дальних соотечественников». Здесь же подытожена тема «Калмыки в мире Пушкина».

Еще при жизни А. С. Пушкина Н. В. Гоголь написал: «вдруг стало видимо далеко во все концы света» [Гоголь 1959: 183].

О пушкинском же «Памятнике» можно сказать: вдруг стало видимо далеко во все концы времени.

Литература

Алексеев М. П. Стихотворение А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (проблемы его изучения). Л.: Наука, 1967. 272 с.

Гоголь Н.В. Страшная месть // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки. М.: Худож. лит., 1959. 366 с.

Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20–30-х годов // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975. С. 213–269.

Кичикова Б. А. «Желай мне здравия, Калмык!» (вопросы текстологии, материалы к комментарию: Часть I) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 163–168.

Макогоненко Г. П. «Рядовой на Пинде воин» (Поэзия Ивана Дмитриева) // *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подг. текста и примеч. *Г. П. Макогоненко.* Л.: Сов. писатель, 1967. (Большая серия «Библиотеки поэта» Изд. 2). С. 5–68.

Сурат И. З. Пушкин: биография и лирика. Проблемы. Разборы. Заметки. Отклики. М.: Наследие, 2000. 233 с.

Сурат И. З., Бочаров С. Г. Пушкин. Краткий очерк жизни и творчества. М.: Языки славянской культуры, 2002. 220 с.

Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 462 с.

Пумпянский Л. Об оде А. Пушкина «Памятник» // Вопросы литературы. 1977. № 8. С. 135–151.

Пумпянский Л. В. Об оде А. Пушкина «Памятник» // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы / отв. ред. А. П. Чудаков; сост. Е.М. Иссерлин, Н. И. Николаев; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. И. Николаева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 197–209. Примеч.: С. 679–688. (Язык. Семиотика. Культура).

Пушкин А. С. Т. III (1, 2) Стихотворения 1826–1836. Сказки. М.: Воскресенье, 1997. 1379 с.

Пушкин А. С. Т. IV. Поэмы 1817–1824. М.: Воскресенье, 1994. 481 с.

Пушкин А. С. Т. IX (1) История Пугачева. М.: Воскресенье, 1995. 485 с.

Пушкин А. С. Т. XVI. Переписка. 1835–1837. М.: Воскресенье, 1997. 503 с.

Фомичев С. А. Каменноостровский цикл // Пушкин А. С. Лирические циклы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома. Изд-во «Вита Нова», 2012. С. 181–213. (Новая Библиотека поэта. Малая серия).

Шапир М. И. О неровности равного: Послание Пушкина «Калмычке» на фоне макроэволюции русского поэтического языка // Шапир М. И. Статьи о Пушкине. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 209–217.

Шустов А. Н. Жуковский и стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...» // Временник пушкинской комиссии. 1973. Л.: Наука, 1975. С. 103–106.

Эльзон М. Д. «Всяк сущий в ней язык...» (об источнике пушкинского перечня) // Русская литература. СПб.: 2001. № 1. С. 189–190.